

— Официальное время вступления соглашения в силу — послезавтра, я заеду за тобой. Если будешь гулять, не забудь прислать мне адрес.

— Увидимся послезавтра.

Шэнь Хэцю в растерянности поднялся наверх, вернулся домой, держа в одной руке пакет, и какое-то время глупо стоял в прихожей, прежде чем до него дошло.

Он вынул коробочку с мазью, взглянул на неё, решил нанести после вечернего душа перед сном и положил на стол в гостиной. Оставшийся в другой руке маленький тортик нужно было убрать в холодильник.

Шэнь Хэцю подошёл с коробкой к холодильнику и открыл дверцу, чтобы положить его внутрь.

Но протянутая рука замерла, а затем, будто повинясь необъяснимому импульсу, он убрал её обратно.

Он сел на диван в гостиной и аккуратно, стараясь не повредить, раскрыл коробку с тортом.

Сладкий аромат шоколадного мусса пробудил в нём некоторый аппетит.

Шэнь Хэцю вскрыл полиэтиленовый пакетик с вилкой, отрезал ею маленький кусочек и положил в рот.

Насыщенный шоколадный аромат, смешанный со сладостью сливок, перебил горечь во рту.

Он был сладким и очень вкусным.

В конце концов Шэнь Хэцю съел весь торт целиком.

Его желудок немного болел от внезапной сытости, но на душе у Шэнь Хэцю было спокойно.

После того как он потерял способность сочинять музыку, прошло уже слишком много времени с тех пор, как он испытывал подобное чувство.

Шэнь Хэцю укрылся на маленьком балконе. Квартира, выделенная компанией, была небольшой, и балкон тоже крошечный — лишь бы развесить несколько вещей.

Но Шэнь Хэцю любил его. Это маленькое пространство давало ему немного скудного чувства безопасности.

Он сидел на мягкой подушке, лежавшей в углу, под светом луны и тусклого уличного фонаря, тихонько напевая.

Здесь не было зрителей, не было криков, он мог расслабиться и петь только для себя.

И Шэнь сидел в машине и сквозь опущенное стекло видел, как на том маленьком балконе в темноте зажгётся свет.

Окрестные жители были немногочисленны, стояла тишина, не слышно было никакого шума, и потому едва уловимое пение доносилось отчётливее.

Человек робкий, но его, оказывается, легко убажить. Обратись с ним немного нежнее, и один торт уже радует. С ним легко.

Как раз он и не любил сложностей.

И Шэн дождался, пока пение внизу не стихло, затем поднял стекло и холодно сказал водителю:

— Поехали, в офис.

— Настроение сегодня хорошее? — Линь Чэнцзюнь взглянул на И Шэна и положил на стол документы, которые держал в руках.

И Шэн, услышав это, спросил:

— Это так заметно?

Линь Чэнцзюнь с удивлением оглядел И Шэна:

— Что-то не так. С тобой что-то не так.

— Ты... симпатизируешь той звёздочке?

И Шэн достал сигарету, прикурил. Огонёк то разгорался, то угасал, дымка окутала его холодные черты лица.

— Ничего так, — он словно припомнил что-то и добавил:

— Поёт неплохо.

С этими словами он потер переносицу, проявляя некоторую усталость.

Линь Чэнцзюнь нахмурился:

— Ты опять плохо спал прошлой ночью?

И Шэн покачал головой:

— Вообще не спал.

— Точно не сходить к врачу? Раньше же говорили, есть какой-то международно известный психотерапевт...

— Не надо.

И Шэн выпустил струйку дыма и, прищурившись, усмехнулся:

— Разве я раньше ходил к ним недостаточно?

Линь Чэнцзюнь смущённо промолвил:

— Ну, это раньше было. За последние пару лет, возможно, технологии развились...

— Не нужно.

И Шэн потушил сигарету в пепельнице.

Он уже нашёл способ эффективнее, чем психотерапевт.

Пение маленького, пугливого и диковатого соловья.

Сегодня ночью он, должно быть, сможет хорошо выспаться.

Спев, Шэнь Хэцю удовлетворённо откинулся на спинку дивана и в редком состоянии расслабленности полностью погрузился в глубокий сон.

Когда он снова проснулся, было уже десять вечера.

Шэнь Хэцю спал так, что руки и ноги стали ватными, он в оцепенении сел, некоторое время просидел в оцепенении, а затем, открыв мобильный телефон, обнаружил несколько пропущенных вызовов. Один был от Лян Хуна, остальные — с другого номера, помеченного как Фугуй.

Не успел Шэнь Хэцю решить, перезванивать ли, как на экране телефона снова загорелся входящий вызов от Фугуя.

Шэнь Хэцю поднял трубку, и из динамика тут же донёлся взбешённый голос Чжао Цяня:

— Шэнь Хэцю! Ты, кажется, с ума сошёл! Как ты мог подписать то соглашение!

— Разве такое можно подписывать? Как можно подписывать кабальный договор! Уж лучше бы ты пошёл на рынок и продал себя на вес!

Чжао Цянь, получив известие, просто сходил с ума.

После того как Шэнь Хэцю низвергся с пьедестала, компания Ихуа Энтертейнмент начала продвигать Лу Цю из той же компании, желая сделать его новой опорой, упаковать в второго Отем.

До этого Чжао Цянь всегда был менеджером Шэнь Хэцю, но теперь Ихуа Энтертейнмент жёстко перевела его к Лу Цю, вынудив вместе с ним отправиться за границу. Получив известие, он, кроме как злиться до воспаления печени, ничего не мог поделать, чтобы вмешаться и помочь.

Шэнь Хэцю слушал, как его бывший менеджер Чжао Цянь выкрикивал в трубку кучу слов, но мало что понимал. В его замедленном, заторможенном мышлении было лишь ощущение, что Чжао Цянь, кажется, очень зол.

— Фугуй... ты злишься? — тихонько спросил Шэнь Хэцю.

— ...Не смей называть меня так!

Чжао Цянь знал его лучше всех и понимал, что Шэнь Хэцю, скорее всего, даже не понял его слов.

Он вздохнул и коротко, серьёзно сказал Шэнь Хэцю:

— Запомни: веди себя хорошо, не зли того господина из семьи И, понял?

Он боялся, что если тот разозлится, от Шэнь Хэцю и следа не останется.

— Будь хорошим, послушным, подожди, пока я вернусь из-за границы, я помогу тебе разобраться с этим делом.

Хорошим... послушным?

Шэнь Хэцю слушал, не понимая, смущённо согласился.

Хотя Чжао Цянь знал, что Шэнь Хэцю мягок по характеру и всегда был чрезвычайно покладистым, он всё равно не мог успокоиться и снова и снова повторял наставления, пока не увидел, что Лу Цю, закончив репетицию, направляется к нему, и тогда поспешно положил трубку.

— Братец Чжао, вы связывались со старшим? — Лу Цю улыбался застенчиво, внутренне, задавая вопрос осторожно, будто боясь обидеть Чжао Цяня.

— Как поживает старший сейчас? Я слышал, он уже давно не получал работы...

— И не знаю, не станет ли старший злиться на меня, я же не специально занимаю его место, это компания...

— Это компания распорядилась, и ты ничего не мог поделать? — Чжао Цянь с холодной усмешкой договорил за него.

Лу Цю слегка опешил, оставшиеся слова застряли в горле, он не знал, кивать ему или качать головой.

— Что, распоряжение компании, поэтому не мог отказаться?

Чжао Цянь окинул Лу Цю взглядом, и вдруг его осенило:

— Или, может, ты немой и не умеешь говорить, поэтому не смог отказаться?

Улыбка на лице Лу Цю чуть не сорвалась. Хотя он знал, что у Чжао Цяня язык всегда остёр и он не упускает своего, но не ожидал, что даже став его менеджером по воле компании, тот всё равно будет на стороне этого Шэнь Хэцю, хотя сейчас тот просто бесполезен!

Лу Цю с трудом контролировал выражение лица, изобразил немного обиды:

— Братец Чжао, как вы можете так говорить обо мне? Я правда не специально, я тоже надеюсь, что старший поправится, станет как прежде...

Чжао Цянь ничего не сказал, несколько секунд смотрел на Лу Цю, отчего тому стало как-то не по себе.

— Компании не стоит продвигать тебя как певца, — вдруг с чувством произнёс Чжао Цянь. — Актёрское мастерство у тебя первоклассное, нужно идти в актёры.

Лу Цю был уколот этими словами, лицо его помрачнело, он уже хотел возразить, как услышал голос ответственного за программу, звавшего его на репетицию:

— Лу Цю — ещё один прогон!

Он подавил свои мысли, вновь натянул улыбку и откликнулся:

— Хорошо!

В конце концов, Шэнь Хэцю уже никак не сможет вернуться на сцену, рано или поздно его

забудут, и все будут помнить только его.

На следующее утро, вставая, Шэнь Хэцю вспомнил, что после вчерашнего душа он лёг спать, так и не нанеся мазь.

Когда он, терпя боль, нанёс мазь на синяк на пояснице, слёзы уже лились ручьём.

Слишком больно, он не мог сдержаться.

Шэнь Хэцю с покрасневшими глазами взял бумажную салфетку, чтобы вытереть слёзы, только схватил её в руку, как дверь резко распахнулась.

— Шэнь Хэцю! — Нетерпеливый голос Лян Хуна грохнул в тишине комнаты.

Он грубо вошёл и, увидев Шэнь Хэцю, сидящего на диване, бесцеремонно язвительно произнёс:

— Что, понял, что тебя выгоняют, и расплакался?

Шэнь Хэцю растерянно поднял голову. Его глаза были ещё красными, в янтарных зрачках стояли слёзы, на лице они ещё не высохли, кончик носа тоже покраснел от плача. Выглядел он действительно крайне жалко, как цветочек, прибитый морозом.

Лян Хун снова начал говорить что-то непонятное для него, подумал Шэнь Хэцю.

<http://bllate.org/book/15590/1389477>